

Скабичевский Александр Михайлович

**Очерки истории русской цензуры
1700-1863 г**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Михайлович С.**
Очерки истории русской цензуры 1700-1863 г / Скабичевский Александр Михайлович –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 502 с.

ISBN 978-5-519-73708-1

ISBN 978-5-519-73708-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ. Новые цензурныя стѣсненія.—Вступленіе Уварова на постъ министра нар. просв. и первыя его распоряженія по цензурѣ.—Рядъ столкновеній съ цензурою Н. Ал. Полевого, какъ издателя «Московского Телеграфа», и исторія запрещенія этого журнала.—Погромъ «Телескопа» Надеждина.—Недоразумѣнія и нахлобучки по службѣ Никитенка въ качествѣ цензора.—Арестъ его на гауптвахтѣ.—Запрещеніе Сенковскому именоваться редакторомъ «Вибл. для Чтенія».—Претензіи Канкринна.—Развитіе множественности цензуръ	231
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Различныя столкновѣнія съ цензурою, гр. Бенкендорфомъ и мнн. Уваровымъ Пушкина	252
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Различныя столкновѣнія съ цензурою Грибоѣдова, Лермонтова и Гоголя	274
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Редакторскія и цензурныя дразги при изданіи Энциклопедическаго лексикона Плюшара. Цензоръ П. А. Корсаковъ и его распоряженія.—«Сѣверная Пчела».—Характеристика Греча и Булгарина и различныя цензурныя недоразумѣнія, поостыжавшія ихъ.—Усиленіе надзора за журналами и ограниченіе разрѣшенія новыхъ.—Упадокъ книжной торговли.—Стѣсненія изданій для народа и подчиненіе цензурѣ любительныхъ произведеній.—Рядъ мелкихъ цензурныхъ распоряженій касательно различныхъ изданій	293
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Дѣятельность духовной цензуры въ тридцатые и сороковые годы.—Комитетъ о политическихъ книгахъ и его рѣшеніе.—Вопросъ о переводѣ книгъ Св. Писанія на русскій языкъ.—Дѣла о переводахъ прот. Павскаго и архим. алтайскаго Макарія	314
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Доносъ на славянофиловъ.—Исторія съ диссертацией Н. И. Костомарова.—Повѣсть «Гувернантка» Гѣршовскаго.—Повѣсти Маникова.—Публичныя лекціи Грановскаго. Исторія въ-за-границѣ Віардо и Ассандри.—Доносы на различные журналы Булгарина, Вибикова, Марковича, епископа Авансія.—Подвиги Плетнева въ качествѣ временнаго предсѣдателя спб. цензурнаго комитета.—Крушеніе Кирилло-Мессодійскаго общества.—Просьба Кухельбекера объ изданіи своихъ сочиненій	326
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Подготовительныя мѣры министерства нар. просв. къ реакціи 50-хъ годовъ.—Наставленіе ректору и деканамъ, какъ новая правительственная программа.—Инструкція цензорамъ 12 марта 1848 г.—Учрежденіе комитета 2 апр. и дѣятельность его.—Паника во время дѣла петрашевцевъ.—Доносы и ссылки (М. Е. Салтыкова).—Реприманды «Русск. Инвалиду», «Спб. Поллицейскимъ Вѣдом.» и пр.—Отставка гр. Уварова и ея причины.—Проектъ Медема.—Мѣры по цензурѣ иностранныхъ книгъ и изданій для народа.—Рядъ мелкихъ цензурныхъ распоряженій въ эту эпоху	339
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Исторія съ «Московскимъ Сборникомъ». Цензора того времени и ихъ распоряженія.—Пржеславскій, какъ издатель «Тыждника» и членъ Главнаго правленія цензуры Царства Польскаго.—Рядъ мелкихъ фактовъ, характеризующихъ время.—Исторія съ изданіемъ сочиненій Пушкина П. В. Анненкова	365

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Цензурная анархія въ эпоху императора Александра II и ея причинъ.—Записка Верте.—Протесты либеральныхъ членовъ Главнаго правленія цензуры.—Разрѣшеніе военныхъ корреспонденцій.—Разрѣшеніе «Русскаго Вѣстника» и «Русск. Вѣсѣды».—Статьи «Морского» и «Военнаго» сборниковъ и ихъ починъ обличительной гласности. Протесты различныхъ лицъ противъ цензурныхъ строгостей и оппозиція реакціонеровъ противъ свободы прессы.—Отставка Норова и его profession de foi.—Усиленіе репрессивныхъ мѣръ при Ковалевскомъ.—Обузданіе «Военнаго» и «Морского» сборниковъ.—Протесты духовныхъ властей.—Исторія съ «Одесскимъ Вѣстникомъ» и пр. 389

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Отношеніе цензуры къ обсужденіямъ въ печати крестьянскаго вопроса, къ обличительной гласности и къ статьямъ о гласномъ судопроизводствѣ 416

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія.—Проектъ новаго цензурнаго устава министра Ковалевскаго. —Проектъ барона Корфа.—Преобразование Главнаго правленія цензуры.—Исторія съ газетой «Парусъ». 440

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Исторія съ «Русск. Вѣстн.» и «Русск. Газетомъ» по поводу статей о правахъ дворянства.—Мнѣніе Св. Синода о вредномъ направленіи «Православнаго Собесѣдника».—Новыя цензурныя затрудненія при изданіи сочиненій Пушкина Исаковымъ.—Дѣятельность преобразованнаго Главнаго цензурнаго правленія.—Проекты барона Медема.—Мысли о переходѣ цензуры въ министерство внутреннихъ дѣлъ и учрежденіе подготовительной комиссіи для рѣшенія этого вопроса.—Цензурныя распоряженія и дѣла 1860—1861 годовъ 455

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Работы подготовительной комиссіи и ея раздѣленіе на двѣ партіи.—Комиссія кн. Оболенскаго.—Указъ о временныхъ правилахъ.—Двоевластіе въ цензурномъ вѣдомствѣ.—Мнѣнія періодической прессы о свободѣ печати.—Проектъ «Дня»; полемика этой газеты съ Фукомъ и приостановленіе «Дня». —Приостановленіе «Современника» и «Русскаго Слова».—Запрещеніе перевода романа В. Гюго «Les misérables». —Рядъ сообщеній министерства внутр. дѣлъ и прочихъ вѣдомствъ.—Преобладающая роль министерства внутр. дѣлъ; его обвинительныя рѣчи и защитительныя рѣчи министерства народн. просвѣщенія.—Лебединая пѣсня послѣдняя и окончательная передача цензурнаго вѣдомства въ министерство внутреннихъ дѣлъ 471

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Существенное различіе въ развитіи книгопечатанія на Западѣ и въ Россіи. — Безучастіе русскаго общества въ этомъ дѣлѣ; сосредоточеніе его въ правительственныхъ сферахъ и, — какъ результатъ этого, — отсутствіе законовъ о печати и случайность всѣхъ цензурныхъ мѣропріятій до Петра Великаго, при немъ и его первыхъ преемникахъ.

I.

Исторія печатнаго станка въ Россіи, съ самымъ первыхъ годовъ появленія его, представляетъ собою картину, ни въ малѣйшей степени не похожую на исторію западнаго станка. На Западѣ пресса вызывается настоятельною, органическою потребностью все болѣе и болѣе развивавшейся образованности. Она возникаетъ въ самый бурный вѣкъ всеобщаго пробужденія умовъ, въ эпоху *геппаис-сансе* и наканунѣ реформаціи. Жажда разнообразнаго чтенія по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ была въ это время такъ сильна во всѣхъ слояхъ общества, что ранѣе уже изобрѣтенія книгопечатанія многочисленные переписчики складываются въ цѣлыя корпораціи и цехи, появляются книжныя лавки, и правительства создаютъ статуты съ цѣлью правильной организаціи письменности и контроля надъ нею. Въ статутахъ этихъ видна заботливость правительства о томъ, чтобы книги имѣли, по возможности, легкой доступъ къ публикѣ, продаваясь не выше цѣны, опредѣленной таксами, чтобы книгопродавецъ безпрекословно выдавалъ находящіеся у него рукописи для переписки, чтобы на одну треть сбавлялъ коммиссіонерскій процентъ при продажѣ книгъ профессорамъ или студентамъ, и проч. Очень понятно, что когда появилось книгопечатаніе, оно было встрѣчено съ восторгомъ, какъ духовными, такъ и свѣтскими людьми, какъ правительствами, такъ и обществами. Французскій король Людовикъ XII, давшій многія льготы участникамъ типографскаго производства, назвалъ даже его «скорѣе божескимъ, чѣмъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ». Но не однѣ власти, духовныя и свѣтскія воспользовались станкомъ: его тотчасъ же захватили въ свои руки и наука въ лицѣ университетовъ, и искусство въ лицѣ драматурговъ, поэтовъ, сатириковъ и проч., и политика, наводнившая общество массою памфлетовъ и летучихъ листковъ, во множествѣ распространяемыхъ протестантскими типографіями, задѣлавшими не только римское духовенство, но и свѣтскіе дворы. Такимъ образомъ пресса на Западѣ сразу сдѣлалась не одною исключительною принадлежностью куріи и двора, а общественною силою, противъ которой, послѣ первыхъ же восторговъ, и свѣтскія, и духовныя власти принуждены были бороться посредствомъ различныхъ цензурныхъ статутовъ. Такъ напримѣръ, во Франціи не

прошло и двадцати лѣтъ послѣ того, какъ было произнесено вышеупомянутое изрѣченіе Людовика XII,—уже при Францискѣ I Сорбонна настойчиво подняла вопросъ объ уничтоженіи навсегда всѣхъ типографій, появившихся въ странѣ и о запрещеніи основывать, когда бы то ни было, новыя типографіи. Францискъ уже готовъ былъ подписать прозектъ Сорбонны, но былъ удержанъ представленіями парижскаго епископа Жана-дю-Беллаи и нѣкогого Вильгельма Гюде, замѣтившихъ, что типографіи—орудіе обоюдоострое, которое можетъ быть употреблено не только ко вреду, но и съ большою пользою для государства, и что «сохраненіе ихъ необходимо для того, чтобы имѣть возможность, при помощи типографскаго же станка, противодѣйствовать тѣмъ самымъ злоупотребленіямъ, на которыя со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы» *).

Совершенно не то мы видимъ въ нашемъ отечествѣ въ эту же самую эпоху. Общество, безграмотное, полудикое, невѣжественное въ своей массѣ, не только не обнаруживало ни малѣйшаго интереса къ какимъ либо свѣтскимъ знаніямъ и самостоятельной мысли, но въ каждомъ намекъ на что либо подобное видѣло нѣчто еретическое и дьявольское. «Епископы, лишеныя всякаго образованія, говоритъ Флетчеръ о времени Бориса Годунова:—слѣдять съ особенною заботою, чтобы образованіе не распространялось, боясь, чтобы ихъ невѣжество и нечестіе не были обнаружены. Съ этою цѣлью они стараются увѣрить царя, что всякое новое знаніе, вводимое въ государство, возбудитъ стремленіе къ новизнамъ и будетъ для него опасно». Тоже высказывали и нѣкоторые изъ русскихъ; вотъ что, напримѣръ, говоритъ о нашихъ епископахъ князь Курбскій: «Я самъ слыжалъ отъ нихъ, будучи еще въ русской землѣ, подъ державою московскаго царя; прельщаютъ они юношей трудолюбивыхъ, желающихъ навывкнутъ писанію, и говорятъ имъ: не читайте книгъ многихъ, и указываютъ: вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а вотъ тотъ въ ересь впалъ» **).

Но и въ тѣхъ религіозныхъ сферахъ, въ которыхъ исключительно вращалась мысль нашихъ предковъ, книги находились въ крайнемъ небреженіи. Письменность была сосредоточена въ рукахъ массы полуграмотныхъ писцовъ, занимавшихся своимъ дѣломъ безъ всякой организаціи, въ разсыпную и какъ Богъ на душу положитъ. Они искажали и уродовали текстъ священныя книгъ иногда до неузнаваемости и абсурдовъ, переходившихъ всѣ границы человѣческаго смысла. Тщетно Іоаннъ Грозный поднималъ на Стоглавомъ соборѣ вопросъ объ исправленіи книгъ, тщетно соборъ принималъ кое-какія палліативныя мѣры къ этому. Полудикіе, суевѣрные умы пугались не столько искаженій, сколько исправленія священнаго текста, подозревая въ этихъ мѣрахъ покушеніе дерзкаго умствования на вѣковѣчную святыню.

Очень понятно, что при такихъ условіяхъ печатный станокъ явился у насъ непрощенымъ и нежеланнымъ заморскимъ гостемъ, и съ первыхъ же шаговъ ему не посчастливилось. Не смотря на то, что первая типографія была заведена въ Москвѣ по инициативѣ самого царя, который, въ видахъ все того же вопроса объ исправленіи книгъ, обратился съ просьбою къ датскому королю Христіану III о присылкѣ ему книгопечатниковъ, и для помѣщенія типографіи построилъ даже на Никольской особенный домъ, это новое и неслыханное учреж-

*) См. «Моменты исторіи законод. о печати», Н. Я. Фойницкаго. «Сборникъ Государственныхъ Знаній», т. II, стр. 340.

**) Id., стр. 318.

деніе было встрѣчено крайне недоброжелательно во всѣхъ классахъ общества. Писцамъ, видѣвшимъ въ типографіи подрывъ своему ремеслу и лишеніе куска хлѣба, ничего не стоило возбудить противъ несчастнаго печатнаго станка своими наговорами и интригами какъ власти, такъ и народъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, печатный дворъ былъ сожженъ, типографія разрушена и разграблена. А первые русскіе типографщики, ученики датскаго мастера Бокбиндера, Иванъ Федоровъ Москвитинъ и Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ, принуждены были бѣжать въ Литву, потому, какъ они объяснили въ предисловіи къ Львовскому апостолу, что «презрѣнное озлобленіе отъ многихъ начальниковъ и учителей, которые ради зависти обвинили насъ во многихъ ересьяхъ, изгнало насъ изъ своей земли и отъ родныхъ въ чужую невѣдуюмую страну». Вотъ какъ было встрѣчено на святой Руси и въ богоспасаемой Москвѣ «скорѣе божеское, чѣмъ человѣческое изобрѣтеніе».

Правда, что въ 1568 году типографія была возобновлена въ Александровской слободѣ, но дѣйствовала робко, нерѣшительно, словно украдкой, печатая лишь изрѣдка нѣкоторыя богослужебныя книги. Печатники, словно страшась народнаго гнѣва, и дрожа за свое дѣло, обращаются къ читателямъ въ предисловіяхъ къ книгамъ съ жалобными мольбами: «хотящимъ сіи книги святыя прочитати или переписывати любезно молимъ васъ, милостиви намъ будите», и такъ продолжалось до изданія Требника при Филаретѣ: книга эта была первая въ Москвѣ, изданная безъ унижительной просьбы о помилованіи. Въ то же время рукописная литература не только не уменьшается, но во второй половинѣ XVII столѣтія еще болѣе развивается. Только со временъ Никона типографія выходитъ побѣдительницею изъ борьбы съ переписчиками, развертываетъ свои силы и начинаетъ печатать въ значительномъ числѣ экземпляровъ не только богослужебныя, но и поучительныя книги.

Нечего и говорить о томъ, что эта первая вполне утвердившаяся типографія въ Россіи продолжала быть дѣломъ совершенно чуждымъ и обществу, и народу, вообще частнымъ сферамъ жизни. Это было такое же правительственное учрежденіе, какъ какой нибудь пудечный или монетный дворъ, причемъ всецѣло находилось въ рукахъ духовенства, служа узкой, спеціальной цѣли печатанія богослужебныхъ книгъ. Поэтому типографія и называлась патриаршею, а съ упраздненіемъ патриаршества была причислена къ монастырскому приказу. Понятно, что при такихъ условіяхъ никакая цензура надъ подобнаго рода духовно-казенною прессою была немислима. Правда, на московскихъ соборахъ составляли списки запрещенныхъ еретическихъ книгъ и за держаніе ихъ, равно и за чтеніе опредѣлялись церковныя наказанія; между прочимъ, такимъ образомъ было осуждено сочиненіе Сильверста Медвѣдева «Манна», а самъ онъ въ послѣдствіи былъ казненъ «за многія злодѣйственныя умышленія», но всѣ эти соборныя постановленія и мѣры имѣютъ дѣло не съ печатью, а все еще съ рукописными книгами. Эта борьба съ рукописью продолжалась весь XVII вѣкъ, и при Петрѣ она еще болѣе ожесточается виѣстѣ съ ожесточеніемъ борьбы противъ раскола. Въ эту эпоху не одни раскольники, а вся многочисленная оппозиція противъ реформъ Петра, распространенная во всѣхъ классахъ общества, и особенно среди духовенства, постоянно прибѣгала къ перу для изъясненія своихъ протестовъ, и Петръ былъ осыпаетъ градомъ всякаго рода рукописныхъ памфлетовъ и подметныхъ писемъ. Это ему наконецъ до такой степени надоѣло, что онъ, по широкому размаху своей могучей натуры, прибѣгъ къ такой ради-

кальной иѣрѣ, какую едва ли когда либо и гдѣ бы то ни было употребляли противъ свободы слова; онѣ рѣшили истребить зло съ корнемъ, наложивши запрещеніе на самое существенное орудіе письма—чернила и перья. Такъ, въ 1701 году явился слѣдующій указъ:

«Монахи въ кельяхъ никакихъ писемъ писати власти не имѣютъ, чернила и бумаги въ кельяхъ имѣти да не будутъ, во въ трапезѣ определенное мѣсто для писанія будетъ—и то съ позволенія начальнаго» (Полн. собр. законовъ, т. IV, № 1835).

Мѣры противъ печати естественно могли начаться лишь тогда, когда рядомъ съ правительственнымъ станкомъ возникли частные. А это случилось вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ Москвѣ Малороссіи. Въ западномъ краѣ и южной Руси уже въ XVI вѣкѣ при духовныхъ братствахъ возникли вольныя типографіи съ тою же цѣлью исправленія книгъ и очищенія ихъ отъ всякихъ латинскихъ и уніатскихъ примѣсей. Московское духовенство, какъ извѣстно, очень недовѣрчиво и недоброжелательно смотрѣло на кіевскихъ богослововъ, подозрѣвая ихъ въ наклонности къ католичеству и всяческимъ ересямъ. Очень понятно, что съ присоединеніемъ Малороссіи оно недружелюбно отнеслось къ типографіямъ, существовавшимъ въ Кіевѣ и Черниговѣ. Въ этихъ типографіяхъ печатались не одніи церковно-богослужебныя книги, но и сочиненія кіевскихъ богослововъ, ихъ проповѣди, поученія, учебныя пособія, употреблявшіяся въ кіевской академіи и семинаріяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ печатались порою въ тѣхъ же типографіяхъ и раскольниковыя книги. И вотъ мы видимъ въ продолженіе всего царствованія Александра Михайловича и Петра цѣлый рядъ мѣропріятій для обузданія южно-русской прессы и водворенія надъ нею контроля. Книги и сочиненія нѣкоторыхъ кіевскихъ богослововъ, заподозрѣнныя въ еретичествѣ, конфискуются и сжигаются. Указъ за указомъ издаются для побужденія типографій ничего не печатать безъ вѣдѣнія Москвы. Такъ напримѣръ, указъ отъ 5-го октября 1720 г. гласитъ:

«Великому Государю, Его царскому Величеству извѣстно учинилось, что въ Кіевской и Черниговской типографіяхъ, въ печатныхъ книгахъ печатаютъ не согласно съ великороссійскими печатями, которыя со многою противностью восточной церкви, а именнно: въ Черниговѣ учебныя часословы по желанію раскольниковому, которое явилось чрезъ розыскъ калужаниноу Ерастому Кадининну, что онъ также часословъ, въ прошлыхъ годахъ продолжалъ печатать проискомъ своимъ, и продавалъ оныя на ярмаркахъ: въ книгѣ Богомыслия, которая печатана въ типографіи святотроицкой-пѣчинской въ 1710 году, явилась многая люторская противность, да въ мѣсяцесловѣ, который издавъ въ прошломъ 1718 году генваря 27 дня, а печатанъ въ кіево-печерской типографіи, въ заглавіи напечатано, якобы напечатанъ ставропигіеу вселенскаго константинопольскаго патріарха, чего было печатать не подлежало, для того, что кіевопечерскій монастырь отъ многихъ лѣтъ учиненъ въ Ставропигіи святѣйшихъ руссійскихъ патріарховъ, а отъ константинопольскихъ уволенъ. Того ради его царское величество указалъ именовать кіево-печерскому и черниговскому монастырямъ, во всѣхъ книгахъ, ставропигіеу всероссійскихъ патріарховъ, а не константинопольскихъ, а вновь книги никакихъ, кромя церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать. А и оныя церковныя старыя книги, для совершеннаго согласія съ великороссійскими, съ такими же церковными книгами сравнивать прежде печати, съ тѣми великороссійскими печатями, дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ немъ не было. А другихъ никакихъ книгъ, ни прежнихъ, ни новыхъ изданій, не объявляя объ новыхъ въ духовной коллегіи, и не взявъ отъ оной позволенія, въ тѣхъ монастыряхъ не печатать, дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой въ церкви восточной противности и съ великороссійскою печатью несогласія произойти» (См. сбор. распор. и постанов. по цензурѣ съ 1720 по 1862 г. изд. М. Н. Пр.).

Совершенно подобнаго же рода указы являются 25-го января и 20-го марта 1721 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ 25 января 1721 года былъ изданъ регламентъ духовной коллегіи, въ которомъ между прочимъ мы читаемъ такого рода общее узаконеніе, относящееся уже ко всей имперіи:

«Аще кто о чемъ богословское писъмо сочинитъ, и тое-бъ не печатать, но первое презентовать въ Коллегіумъ. А Коллегіумъ рассмотретьъ должно, нѣтъ ли каковаго въ писъмѣ ономъ прегрѣшенія, ученію православному противнаго». (Регл. ч. III, § 3. См. сборн. расп. и постав. по цензурѣ).

Этотъ законъ, устанавлиющій для духовныхъ сочиненій нѣчто вродѣ предварительной цензуры, можно считать первымъ на Руси закономъ о печати.

II.

Эпоха Петра, наиболѣе замѣчательная именно въ томъ отношеніи, что мысль нашихъ предковъ выходитъ въ это время изъ религіозной замкнутости и становится на почву умственныхъ и культурныхъ интересовъ чисто свѣтскаго характера, не могла не отразиться на исторіи печати. И здѣсь мы видимъ тотъ же громадный переворотъ: рядомъ съ духовною типографіею возникаетъ мало по малу типографія свѣтская, и для печати въ Россіи наступаетъ новый періодъ существованія.

Инициатива этого переворота, какъ и всѣ реформы петровской эпохи, принадлежитъ вполне Петру. Стремясь распространять среди русскихъ людей, въ виду своихъ реформъ, научныя свѣдѣнія, Петръ нуждался въ книгахъ по разнымъ отраслямъ знаній, особенно техническимъ; патріаршая же типографія въ Москвѣ, приваровленная исключительно для печатанія богослужебныхъ книгъ, не въ состояніи была удовлетворить этой потребности.

И вотъ, въ 1700 г. Петръ даруетъ своему голландскому другу, одному изъ первыхъ негоціантовъ Амстердама, Янну Тессингу, за учиняемыя имъ великому посольству службы, грамоту съ тѣмъ, чтобы Тессингъ завелъ въ Амстердамъ типографію и печаталъ бы въ ней «земныя и морскія картины, и листы, и персоны, и математическія, и архитектурныя, и городо-строительныя, и всякія земныя и художественныя книги на славянскомъ и латинскомъ языкахъ вмѣстѣ, тако и славянскомъ и голландскомъ языкомъ по особнѣ, отъ чего бъ русскіе подданные, много службы и прибыли могли получать и обучатися во всякихъ художествахъ и вѣдѣніяхъ» *). Книги, напечатанныя Тессингомъ, дозволялось ему или его приказчику привозить къ Архангельску, а также и въ другіе города «повольною торговлею, съ платежемъ указанныхъ пошлинъ, на уреченное время съ настоящаго (1700) года впредь на 15 лѣтъ», и при этомъ предоставлялась полная монополія относительно всѣхъ другихъ заграничныхъ типографій: если кто вздумалъ бы продавать въ Россіи книги этихъ типографій, то продавцы подвергались штрафу въ 3,000 франковъ, изъ которыхъ третья часть шла въ пользу Тессинга; самыя же книги конфисковались. Но при этихъ льготахъ не были упущены и цензурныя соображенія для предупрежденія какихъ-либо злоупотребленій печати со стороны Тессинга. Въ этихъ видахъ въ грамотѣ было оговорено, «чтобъ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славы великаго Государя межъ европейскими монархами и къ общей народной пользѣ и прибытку, а пониженія бѣ нашего царскаго величества превысокой чести и государства нашего въ славу въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было».

Съ установленія гражданскаго шрифта около 1704 года слѣдуетъ окончательное обособленіе свѣтскаго станка отъ духовнаго. Послѣ этого Петръ и въ

*) Пекарскій. Наука и лит. въ Россіи, стр. 10—12.

Петербургѣ, и въ Москвѣ заводилъ гражданскія типографіи съ просвѣтительными цѣлями воплѣвъ уже свѣтскаго характера. Но перейдя на свѣтскую почву, печатный станокъ этимъ самымъ не сдѣлался еще самостоятельною, общественною силою; дѣло ограничивалось тѣмъ, что онъ перешелъ изъ рукъ духовныхъ властей въ руки свѣтскихъ, но при этомъ остался тѣмъ же официальнымъ, казеннымъ учрежденіемъ, до котораго обществу не было никакого дѣла. Въ лицѣ Петра въ это время сосредоточивалось все литературное дѣло страны: онъ заказывалъ и редактировалъ книги, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, самъ повелѣвалъ ихъ печатать, самъ издавалъ куранты, подкупалъ заграничную прессу для восхваленія своей особы и полемики противъ его хулителей. Что же касается общественной массы, то она относилась ко всему этому съ полной апатіей. Такъ, въ 1703 году, одинъ голландскій купецъ, торговавшій книгами, вышедшими изъ Тессинговой типографіи, жалуется царю, что продажа книгъ причинила ему одинъ убытокъ, «понеже купцовъ и охотниковъ въ земляхъ вашего царскаго величества зѣло мало».

При такомъ равнодушіи публики къ книжному дѣлу и сосредоточеніи этого дѣла въ рукахъ царевыхъ, понятно опять-таки, что не могло быть и помысла о какихъ-либо цензурныхъ учрежденіяхъ. Какъ редакторъ и издатель, Петръ самостоятельно направлялъ книжное производство согласно своимъ политическимъ и просвѣтительнымъ цѣлямъ. Ни одна строка не выходила изъ-подъ печатнаго станка безъ его высочайшаго усмотрѣнія, и въ этомъ случаѣ до насъ дошелъ анекдотъ самаго антицензурнаго характера, представляющій намъ Петра не только въ видѣ строгаго цензора, а, напротивъ, борящимся въ качествѣ редактора съ излишнимъ и самовольнымъ цензурнымъ усердіемъ его сотрудниковъ. Такъ извѣстно, что переводчикъ Бужинскій, переводя по порученію царя «Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ Пуффендорфа», выпустилъ одно пикантное мѣсто, нерѣшась перевести его, вслѣдствіе слишкомъ рѣзкаго отзыва Пуффендорфа о русскихъ: «заворны же русскіе и невоздержательны суть, пишетъ Пуффендорфъ:—свирѣпы и кровеежадущи челоувѣцы, въ вещахъ благополучныхъ безчинно и нестерпимомъ гордостью возносятся; въ противныхъ же вещахъ низложеннаго ума и сокрушеннаго; ко прибыли и лихвѣ, хитростью собираемой, никакой же народъ паче удобенъ есть. Рабскій народъ рабски смиряется, и жестокостію власти воздержатися въ повиновеніи любятъ, и якоже всѣ игры, въ бояхъ и ранахъ у нихъ состоятся, тако бичевъ и плетей у нихъ частое есть употребленіе?» Узнавши о пропускѣ этого мѣста, Петръ очень осерчалъ на Бужинскаго: «Глушечъ, вскричалъ онъ:—что я тебѣ приказывалъ сдѣлать съ этою книгою?»

— Перевести, отвѣчалъ Бужинскій.—«Развѣ это переведено?» возразилъ Петръ, указывая на пропущенное мѣсто:—тотчасъ поди и сдѣлай, что я тебѣ приказалъ, и переведи книгу вездѣ такъ, какъ она въ подлинникѣ есть» *).

Очень понятно, почему Петръ не велѣлъ выпускать этого мѣста: онъ не усматривалъ въ немъ никакого «*пониженія его царскаго величества преемственной чести*», а напротивъ, видѣлъ оправданіе своихъ просвѣтительныхъ реформъ.

Другое было дѣло, когда около 1708 г., мастеръ, печатавшій книги въ типографіи Тессинга, не имѣя никакихъ средствъ къ своему существованію послѣ смерти этого негоціанта (въ 1701 г.), отправился съ славянскою типографіею въ Россію, но на дорогѣ, именно въ Данцигѣ, шведы завладѣли всѣми типографскими

*) Пекарскаго. Наука и литер. при Петрѣ I, стр. 396.

принадлежностями и начали печатать славянскимъ шрифтомъ разныя воззванія къ русскому народу, для распространенія ихъ въ русскіхъ предѣлахъ. По этому случаю, Петръ сдѣлалъ такое распоряженіе:

«Буде какія письма гдѣ явятся, напечатанныя славянскими (т. е. русскими) словами и складомъ славянскимъ же, къ возмущенію народа, или хотя подъ какими ни на есть лестнымъ образомъ, приводя къ тому-жъ, чтобъ тѣмъ народъ обманомъ привести въ возмущеніе, и такимъ письмамъ отнюдь не вѣрять и у себя не держать, хотя будетъ и то въ нихъ написано, будто они на Москвѣ напечатаны, а гдѣ и у кого такія письма явятся, и такихъ людей ловить и спрашивать, гдѣ кто такія письма взялъ, и на кого скажутъ, и тѣхъ людей сыскивать со всякимъ крѣпкимъ прилежаніемъ и присылать къ Москвѣ, а за сыскъ такихъ возмутителей, кто ихъ сыщетъ, будетъ имъ его государева милость».

Кромѣ этого, намъ извѣстны еще двѣ мѣры цензурнаго характера, относящіяся къ эпохѣ Петра, касающіяся, впрочемъ, не печати, а живописи. Такъ, мы видимъ, что послѣ того, какъ духовнымъ регламентомъ была возложена на Синодъ обязанность надзора за всѣмъ, касающимся религіи, первымъ распоряженіемъ его было усилить надзоръ надъ народными дубочными картинами религіознаго содержанія. Появившееся почти въ одно время съ типографіею печатаніе гравированныхъ картинокъ до сихъ поръ производилось почти безъ всякой цензуры. Правда, патріархъ Іоакимъ нашелъ неприличнымъ, что «всякія невѣжды рѣжутъ на доскахъ и печатаютъ на бумагѣ развращенно иконы Спасителя, Богородицы и святыхъ; другіе же покупаютъ такіе печатные листы, дѣлаемые лютерами и калвинцами, на подобіе лицъ своея старины», и около 1644 г. указалъ печатаніе и продажу такихъ листовъ воспретить подъ страхомъ жестокаго наказанія; самыя же листы отобрать и истребить. Но указъ этотъ остался безъ исполненія, и народныя картинки продолжали печататься безъ всякаго надзора. И вотъ въ 1721 г., Синодъ снова подтвердилъ запрещеніе, чтобы никто не имѣлъ права продавать въ Москвѣ на Спаскомъ мосту и въ другихъ мѣстахъ листы разныхъ изображеній, каноны и молитвы, сочиненныя людьми разныхъ чиновъ самовольно и безъ свидѣтельства; листы приказано отобрать и отослать въ Приказъ церковныхъ дѣлъ, «запретивъ впредь таковыя, подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія». Для разсмотрѣнія такихъ изданій была учреждена Петромъ въ Москвѣ Изуграфская Палата, безъ одобренія которой они не могли выходить *).

Вторая мѣра подобнаго же рода касалась царскихъ портретовъ: указомъ 1723 г. было предписано суперъ-интенданту Зарудневу наблюдать, чтобы персоны государя и государыни писались искусными мастерами и затѣмъ продавались въ Москвѣ и по разнымъ мѣстамъ; безобразныя же царскіе портреты отбирать и отсылать въ Синодъ.

III.

Но вотъ, мало-по-малу, просвѣщеніе пачинаетъ распространяться въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества. Книги дѣлаются не такою рѣдкостью, какъ при Петрѣ: покупаются и въ отечествѣ, еще болѣе вывозятся изъ-за границы. Заводятся свѣтскія училища, требующія руководствъ и всякаго рода пособій. Основывается «Академія наукъ», какъ высшее ученое и учебное учрежденіе, заботящееся о развитіи просвѣщенія въ странѣ. Являются и первые свѣтскіе писа-

*) Сборн. отд. русск. яз. и слав. нип. Акад. наукъ, т. 27. Русск. вар. карт. Д. Ровинскаго, стр. 81.

тели въ лицѣ Кантемира, Ломоносова и Тредьяковского. Масса ученыхъ писателей и переводчиковъ начинаетъ группироваться вокругъ Академіи. Въѣстѣ съ тѣмъ является потребность окончательно отдѣлить гражданскій станокъ отъ духовнаго. И вотъ, 4-го октября 1727 года, является указъ (II. С. Зак., № 5175), въ силу котораго типографіи, бывшія при Синодѣ и при Александровской лаврѣ, переводятся въ Москву со всѣми инструментами, для печатанія тамъ церковныхъ книгъ; въ Петербургѣ же остаются лишь двѣ свѣтскія типографіи—при Сенатѣ, для печатанія указовъ и правительственныхъ распоряженій, и при Академіи наукъ, для «сочиненій историческихкихъ наукъ». Въѣстѣ съ тѣмъ типографія Академіи наукъ устраняется изъ вѣдомства Синода, надзору котораго впредь подлежатъ однѣ духовныя книги и вообще всѣ сочиненія, касающіяся религіи; свѣтскія же книги подчиняются вѣдѣнію Академіи. Вслѣдъ за этимъ указомъ, съ января 1728 года, Академія наукъ начинаетъ издавать «С.-Петербургскія Вѣдомости», печатая ихъ въ своей типографіи подъ своею личною отвѣтственностью безъ всякаго посторонняго и высшаго контроля.

Затѣмъ наступаютъ 30-ые годы прошлаго столѣтія, и надъ Русью нависаетъ мрачный періодъ бироновщины, эпоха безцеремоннаго владычества временщиковъ и всякаго рода иноземныхъ проходимцевъ, ужасовъ тайной канцеляріи, съ ея кровавыми розысками и правезами и всеобщихъ доносовъ съ ихъ грознымъ кличемъ «слова и дѣла». Въ это десятилѣтіе было не до преуспѣянія литературы и вообще просвѣщенія въ Россіи. Академія наукъ, подъ игомъ своей канцеляріи, наполненной германскими хищниками, едва влачила свое существованіе, причѣмъ члены ея чуть не умирали съ голоду отъ постоянныхъ обсытываній и затягиваній жалованья. Литература, въ лицѣ Тредьяковского, рабѣшно ползала на колѣнкахъ наряду съ Балакиревымъ и прочими придворными шутами, получала всемилоостивѣйшія оплеушины и писала оды на иллюминаціи, осыпаясь градомъ палочныхъ ударовъ со стороны свирѣпыхъ самодуровъ. Очевидно, что въпродолженіи всего этого періода трудно было и ждать какихъ-либо положительныхъ мѣръ, которыя расширяли бы сферу дѣятельности печатнаго станка. Но въ то же время этотъ станокъ находится въ такомъ загнанномъ положеніи полного пренебреженія, что правительство не имѣетъ нужды и въ какихъ-либо отрицательныхъ мѣрахъ противъ него. Поэтому въ царствованіе Анны Іоанновны указы о печати очень рѣдки. Намъ только и извѣстны два такіе указа. Такъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, Анна Іоанновна первымъ дѣломъ озаботилась о томъ, чтобы среди подданныхъ ея не вращались нѣкоторыя иностранныя книги, заключающія въ себѣ дурные отзывы о ея главныхъ приближенныхъ. И вотъ, указомъ 1733 г. 17-го марта, она повелѣваетъ:

«Наданную отъ Ея Императорскаго Величества печатную книгу на нѣмецкомъ языкѣ о жизни бывшихъ графа Остермана, графа же Миниха и герцога курляндскаго Бирова, въ которой, между прочимъ, вымышленно-затѣйные, предосудительные къ російской имперіи пашивальныя пасоажы находятся, принадлежащіе (экземпляры) публикѣ ежечь и чтобъ болѣе оная въ Россійской имперіи разсѣяна не была, учинить къ собранію ея основательное опредѣленіе и впредъ таковыхъ, касающихся до Россійской имперіи пашквильныхъ сочиненій во всѣхъ мѣстахъ продавать и вывозить накрѣпко запретить» (Сборн. пост. о печати).

Затѣмъ уже, въ концѣ царствованія Анны Іоанновны, мы видимъ именно указъ, отъ 26-го декабря 1838 года, генералу Румянцеву, изъ котораго видно, что по донесенію изъ Кіева генераль-лейтенанта Леонтьева конфисковано было у мѣщанина Львовскаго, хѣвавшего въ Малую Россію, по 150 экземпляровъ двухъ